

Научная статья / Research Article

УДК 332.1:330.4

DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-15-30

Наталья Анатольевна Азарова¹

Виктория Витальевна Сухорукова²

Анна Юрьевна Небесная³

^{1,2,3} Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия

¹ azarovarsd@rambler.ru

² vv.sukhorukova@yandex.ru

³ an-nebesnaya@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В ПРОЦЕССЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье представлены результаты исследования процесса формирования пространственных диспропорций в ходе стратегического развития региона. Обосновывается, что пространственная несбалансированность возникает не только как следствие исходной территориальной неоднородности, но и как результат реализации стратегических приоритетов, связанных с концентрацией ресурсов, поддержкой отдельных отраслей и территорий, а также кадровой, образовательной и инфраструктурной политикой. Особое внимание уделено анализу внутренних противоречий, накапливающихся в региональной системе при краткосрочно рациональной ориентации на уже сложившиеся сильные стороны территории. Показано, что такая логика способна обеспечивать быстрый экономический эффект в краткосрочном периоде, однако в долгосрочной перспективе она ведет к усилению центрo-периферийных, инвестиционных, инфраструктурных и социальных диспропорций, а также повышает уязвимость региональной системы. Предлагается подход, в рамках которого пространственные диспропорции интерпретируются как производное стратегических решений и механизмов их реализации. Для выявления факторов накопления противоречий используется SWOT-анализ, рассматриваемый не как инструмент описательной инвентаризации, а как средство качественной диагностики скрытых ограничений стратегического развития. Методическую основу исследования составили системный и пространственный подходы, а также методы сравнительного и причинно-следственного анализа. На основе сопоставления стратегических документов и статистических материалов показано, что несогласованность экономической, кадровой, образовательной и пространственной политики усиливает территориальную неравномерность и закрепляет накопленные ограничения развития. Сделан вывод о том, что преодоление пространственной несбалансированности требует не частичной коррекции отдельных перекосов, а системных решений, обеспечивающих согласование стратегических целей, инструментов государственного регулирования и механизмов пространственного развития, а также более тесную увязку приоритетов экономического роста с воспроизводством человеческого капитала.

Ключевые слова: пространственные диспропорции, стратегическое развитие региона, региональное развитие, территориальная неравномерность, внутренние противоречия развития, SWOT-анализ, региональная политика, государственное регулирование

Для цитирования: Азарова Н.А., Сухорукова В.В., Небесная А.Ю. Формирование пространственных диспропорций в процессе стратегического развития региона // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 15–30. DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-15-30.

Natalia Anatolyevna Azarova¹

Victoria Vitalyevna Sukhorukova²

Anna Yuryevna Nebesnaya³

^{1,2,3} Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

¹ azarovarsd@rambler.ru

² vv.sukhorukova@yandex.ru

³ an-nebesnaya@yandex.ru

FORMATION OF SPATIAL DISPARITIES IN THE REGION'S STRATEGIC DEVELOPMENT PROCESS

This paper examines the formation of spatial disparities during a region's strategic development. It is argued that spatial imbalances arise not only as a consequence of underlying territorial heterogeneity but also as a result of the implementation of strategic priorities related to resource concentration, support for specific industries and territories, and human resources, educational, and infrastructure policies. Particular attention is paid to the analysis of internal contradictions that accumulate within the regional system with a short-term, rational focus on the territory's existing strengths. It is demonstrated that such logic can deliver rapid economic benefits in the short term. However, in the long term, it leads to increased center-periphery, investment, infrastructure, and social disparities, and increases the vulnerability of the regional system. An approach is proposed in which spatial disparities are interpreted as a derivative of strategic decisions and the mechanisms for their implementation. To identify the factors that contribute to the accumulation of contradictions, SWOT analysis is used, viewed not as a descriptive inventory tool, but as a means of qualitatively diagnosing the hidden limitations of strategic development. The study's methodological framework utilized systemic and spatial approaches, as well as comparative and cause-and-effect analysis. A comparison of strategic documents and statistical data demonstrates that inconsistencies in economic, human resources, educational, and spatial policies exacerbate territorial unevenness and perpetuate accumulated development constraints. It concludes that overcoming spatial imbalances requires not a partial correction of individual imbalances, but rather systemic solutions that align strategic goals, government regulation instruments, and spatial development mechanisms, as well as a closer alignment of economic growth priorities with human capital reproduction.

Keywords: spatial disparities, regional strategic development, regional development, territorial unevenness, internal development contradictions, SWOT analysis, regional policy, government regulation

For citation: Azarova N.A., Sukhorukova V.V., Nebesnaya A.Yu. Formation of spatial disparities in the region's strategic development process // Socio-economic and humanitarian journal. 2026. № 2. P. 15–30. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-15-30.

Введение. Пространственные диспропорции в региональном развитии обычно трактуются как результат межтерриториальных различий в уровне социально-экономического развития, инфраструктурной обеспеченности, инвестиционной активности и доступности социальных благ [5–7]. Однако такой подход преимущественно фиксирует уже сложившееся состояние территориальной неравномерности и в меньшей степени раскрывает механизмы ее возникновения. Между тем пространственные диспропорции целесообразно рассматривать не только как следствие исходной неоднородности регионального пространства, но и как результат самого процесса стратегического развития региона, в рамках которого ресурсы, институциональная поддержка и управленческие приоритеты распределяются неравномерно.

Сбалансированность не является естественным состоянием региональной системы [1–4]. В краткосрочной перспективе регион закономерно усиливает те направления, в которых уже обладает преимуществами, поскольку это обеспечивает наиболее быстрый экономический эффект. Однако в долгосрочном периоде такая логика может приводить к накоплению внутренних противоречий: одни территории, отрасли и социальные группы получают устойчивые преимущества, тогда как другие оказываются в положении относительного отставания. В результате пространственные диспропорции формируются как закономерное следствие стратегических решений, что требует их анализа не только в логике сравнения территорий, но и в контексте самой траектории регионального развития. В этой связи особую значимость приобретает анализ того, каким образом стратегические приоритеты регионального развития влияют на формирование пространственных диспропорций и закрепление территориальной неравномерности.

Цель исследования – выявление механизмов формирования пространственных диспропорций в процессе стратегического развития региона и обоснование того, что территориальная неравномерность выступает не только результатом исходных различий, но и след-

ствием реализации региональных стратегических приоритетов.

Научная новизна исследования заключается в том, что пространственные диспропорции рассматриваются не только как фиксируемые межтерриториальные различия, но и как результат внутренних процессов, возникающих в самой траектории стратегического развития региона. В отличие от подходов, ориентированных преимущественно на описание уже сложившейся территориальной неравномерности, в статье акцент сделан на выявлении противоречий, накапливающихся в ходе реализации стратегических приоритетов и проявляющихся в форме устойчивых пространственных диспропорций.

Объекты и методы. В исследовании использованы системный и пространственный подходы, методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения и типологизации. Для выявления факторов накопления пространственных диспропорций применен SWOT-анализ, рассматриваемый как инструмент качественной диагностики внутренних противоречий стратегического развития региона [6]. Сравнительный и причинно-следственный анализ использованы для установления связи между стратегическими приоритетами региональной политики и формированием территориальной неравномерности. Информационную базу исследования составили статистические сборники, стратегические документы регионального развития, нормативные акты и материалы, характеризующие приоритеты социально-экономической политики регионов РФ.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим валовой региональный продукт по федеральным округам РФ за 2021–2023 гг. (табл. 1). Экономика РФ устойчиво росла даже в условиях 2022–2023 гг. с учетом санкционного давления, вызвавшего вынужденную структурную перестройку экономики. Темпы прироста валового регионального продукта на душу населения опережали прирост суммарного валового регионального продукта, что говорит о возможном сокращении численности населения или о его более быстром росте в менее населенных регионах [14, 15].

Таблица 1

Валовый региональный продукт по ФО РФ в 2021–2023 гг.

Феде- ральный округ	2021		2022		2023	
	Всего, млн руб.	На душу населения, руб.	Всего, млн руб.	На душу населения, руб.	Всего, млн руб.	На душу населения, руб.
РФ	121 182 987,5	823 153,9	140 670 817	958 811	157 074 172,0	1 073 650,9
ЦФО	41 685 336,7	1033 874,5	47 367 525	1 176 273	54 101 687,1	1 345 162,0
СЗФО	16 611 895,3	1 193 019,9	18 928 861	1 362 907	19 262 161,6	1 390 163,3
ЮФО	7 952 016,7	475 369,6	9 815 611	588 461	10 993 340,8	660 932,9
СКФО	2 695 611,3	265 506,8	3 111 332	305 334	3 568 997,3	348 930,0
ПФО	16 878 414,5	582 393,7	19 664 499	683 355	22 012 826,5	769 355,4
УФО	16 698 970,1	1 357 363,6	20 073 357	1 635 676	23 044 267,6	1 879 521,3
СФО	11 287 167,9	670 и 996,8	14 054 068	781 580	13 962 117,7	840 763,6
ДФО	7 373 575,0	923 052,4	8 655 564	1 090 778	10 128 773,4	1 284 545,3

Источник: составлено авторами по данным [14, 15].

Рассмотрим абсолютный объем ВРП по округам в 2023 г. Лидером по объему ВРП является Центральный федеральный округ (почти 1/3 всей экономики РФ, прежде всего за счет Москвы и Московской области). Аутсайдером является Северо-Кавказский федеральный округ: его ВРП почти в 15 раз меньше, чем у ЦФО [14, 15].

ВРП на душу населения – ключевой показатель эффективности экономики. Уральский федеральный округ (нефтегазовый центр) – безусловный лидер по душевому ВРП, опережает средний уровень в 1,75 раза; в СКФО – самый низкий показатель (349 тыс. руб.), что отражает его хроническое отставание в развитии производственной и финансовой сфер. В ЦФО, СЗФО, ДФО показатели также значительно выше среднего – здесь сосредоточены финансовые потоки, порты, значимые ресурсодобывающие проекты. Округа с преобладанием сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности (ЮФО, ПФО, СФО) имеют душевой ВРП ниже среднероссийского. Можно выделить важнейшие тренды в динамике ВРП. Прежде всего, СФО – единственный округ, показавший падение ВРП в 2023 г. (–0,65 % к 2022 г.) [14, 15]. Вероятные причины: снижение мировых цен на

уголь и металлы, логистические ограничения, сокращение инвестиций в добывающем секторе. Наибольший суммарный рост за два года – у ЮФО (+38,2 %), УФО (+38,0 %), ДФО (+37,4 %). Это связано с развитием портовой инфраструктуры (ЮФО), переориентацией экспорта на Восток (ДФО) и стабильным нефтегазовым сектором (УФО). Замедление роста экономики в СЗФО в 2022–2023 гг. (всего +1,8 %) – возможно, произошло из-за санкционных ограничений на торговлю через Балтику и ухода иностранных компаний. По абсолютному ВРП разрыв между ЦФО и СКФО составляет 15 раз. По душевому ВРП разрыв между УФО и СКФО – 5,4 раза (1,88 млн руб. против 0,35 млн руб.). Даже внутри «богатых» округов сохраняется поляризация: в УФО душевой ВРП выше, чем в ЦФО, хотя его абсолютный объем в ЦФО больше – это говорит о высокой концентрации производства в УФО при меньшей численности населения. Таким образом, можно заметить, что экономика РФ в 2021–2023 гг. демонстрировала номинальный рост, несмотря на внешние санкционные «шоки». Совокупный ВРП увеличился почти на 30 %, а душевой – на 30,4 %. Региональная структура оставалась сверхконцентрированной: три

округа (ЦФО, УФО, ПФО) обеспечивали почти 2/3 всего ВРП страны. Уральский округ – абсолютный лидер по производству на душу населения, что связано с добычей и переработкой углеводородов. Северо-Кавказский округ сохранял статус наиболее депрессивного региона с душевым ВРП в 3 раза ниже среднего по РФ. Сибирский округ – единственный, где в

2023 г. зафиксировано падение ВРП, что требует отдельного анализа причин возникновения этой ситуации. Рост экономики в ЮФО и ДФО ускорился в 2022–2023 гг. благодаря переориентации экспортных потоков и развитию транспортных коридоров «Юг» и «Восток» (табл. 2).

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по ФО РФ в 2022–2024 гг., млн руб.

Федеральный округ	2022	2023	2024
РФ	27 865 233,8	34 036 338	39 533 661
ЦФО	9 367 417,9	10 731 312	12 603 319
СЗФО	2 611 085,3	3 074 202	4 019 872
ЮФО	1 805 887,5	2 284 044	2 799 617
СКФО	878 239,6	1 012 661	1 167 516
ПФО	3 735 712,6	4 830 157	5 683 502
УФО	4 071 293,4	4 594 205	5 339 905
СФО	2 823 189,8	3 302 638	3 923 026
ДФО	2 512 407,8	3 393 517	3 933 822

Источник: составлено авторами по данным [14, 15].

Таким образом, можно сделать вывод, что для выравнивания межрегиональных диспропорций необходимы целевые инвестиционные программы для СКФО, ЮФО и ПФО, а также диверсификация экономики СФО в сторону более устойчивых отраслей. За два года инвестиции в основной капитал выросли на 41,9 % (с 27,9 трлн до 39,5 трлн руб.). Темпы роста оставались высокими, хотя в 2024 г. наблюдалось некоторое замедление (16,2 % против 22,1 % в 2023 г.) [14, 15].

Рассмотрим долю федеральных округов в общем объеме инвестиций (2024 г.) [14, 15]. Лидерами являются Центральный федеральный округ – почти треть всех инвестиций (столичная агломерация, финансовый и логистический центр), Приволжский федеральный округ – крупный промышленный пояс

(нефтехимия, машиностроение), Уральский федеральный округ – опора на ТЭК и металлургию (рис. 1).

Отстающими федеральными округами являются: СКФО – лишь 3 % общероссийских инвестиций (отставание сохраняется), ЮФО – доля ниже 7 %, несмотря на рост портовой и курортной инфраструктуры.

Из диаграммы рисунка 1 следует, что Дальневосточный федеральный округ – абсолютный лидер по темпам роста (+56,6 %) [14, 15]. Это следствие реализации государственных программ развития Дальнего Востока, включая территории опережающего развития (ТОР), режим Свободного порта Владивосток (СПВ), и реализации крупных инфраструктурных проектов.

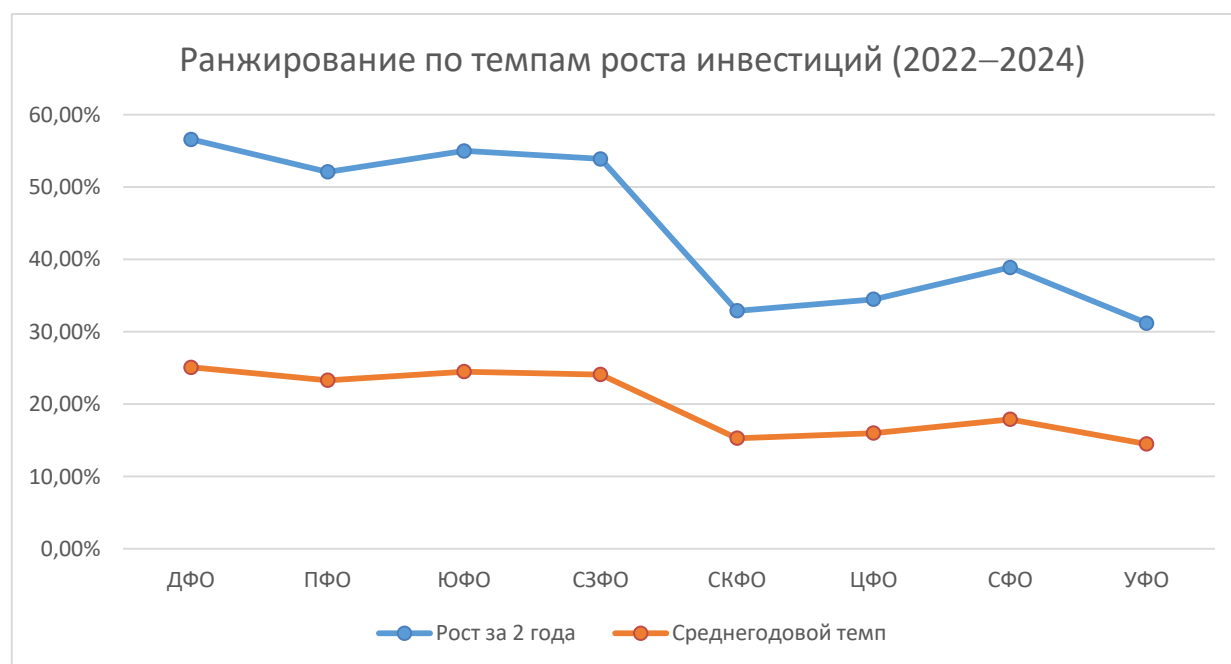

Рис. 1. Ранжирование федеральных округов РФ по темпам роста инвестиций

ЮФО и ПФО также показывают рост выше среднего ($> 50\%$ за два года), что, по нашему мнению, связано с развитием транспортных коридоров «Юг», а также импортозамещением в промышленности. Уральский федеральный округ показывает самый низкий прирост ($31,2\%$), возможно, из-за насыщения нефтегазового сектора и санкционных ограничений на технологии. СКФО остается внизу рейтинга по абсолютным объемам, но темпы роста ($32,9\%$) чуть выше, чем у УФО и ЦФО. СЗФО в 2024 г. показал скачок ($+30,8\%$) – возможно, это связано с инвестициями в портовую и логистическую инфраструктуру после переориентации грузопотоков; ДФО – замедление с $+35\%$ до $+16\%$, но абсолютный прирост остается значительным (540 млрд руб. за год), ПФО – резкое замедление (с $+29\%$ до $+18\%$), что может указывать на завершение крупных инвестпроектов или нехватку мощностей. Это означает, что экономика округа находится в фазе масштабного наращивания основных фондов (инфраструктурные проекты, добывающие предприятия). СКФО – также высокая доля ($28,4\%$) при низком абсо-

лютном ВРП – инвестиции преимущественно государственные (социальная и транспортная инфраструктура). СЗФО – низкая доля ($16,0\%$) – возможно, высокий ВРП при относительно умеренных инвестициях из-за сферы услуг и портовой перевалки, не требующей огромных капвложений.

Общий тренд – устойчивый рост инвестиций в основной капитал по всем округам ($+42\%$ за 2022–2024 гг.), что свидетельствует о высокой инвестиционной активности в российской экономике, несмотря на внешние ограничения [14, 15]. Концентрация капитала сохраняется во всех регионах: $31,9\%$ всех инвестиций приходится на ЦФО, а вместе с ПФО и УФО – почти 60% . СКФО и ЮФО получают менее 10% суммарных инвестиций. Дальний Восток и Юг – локомотивы роста: ДФО ($+56,6\%$ за два года), ЮФО ($+55,0\%$). Это результат переориентации торговли и государственных программ. СКФО, несмотря на низкую материальную базу, показывает стабильный прирост (около 15% в год), но его доля остается минимальной (3%) (рис. 2).

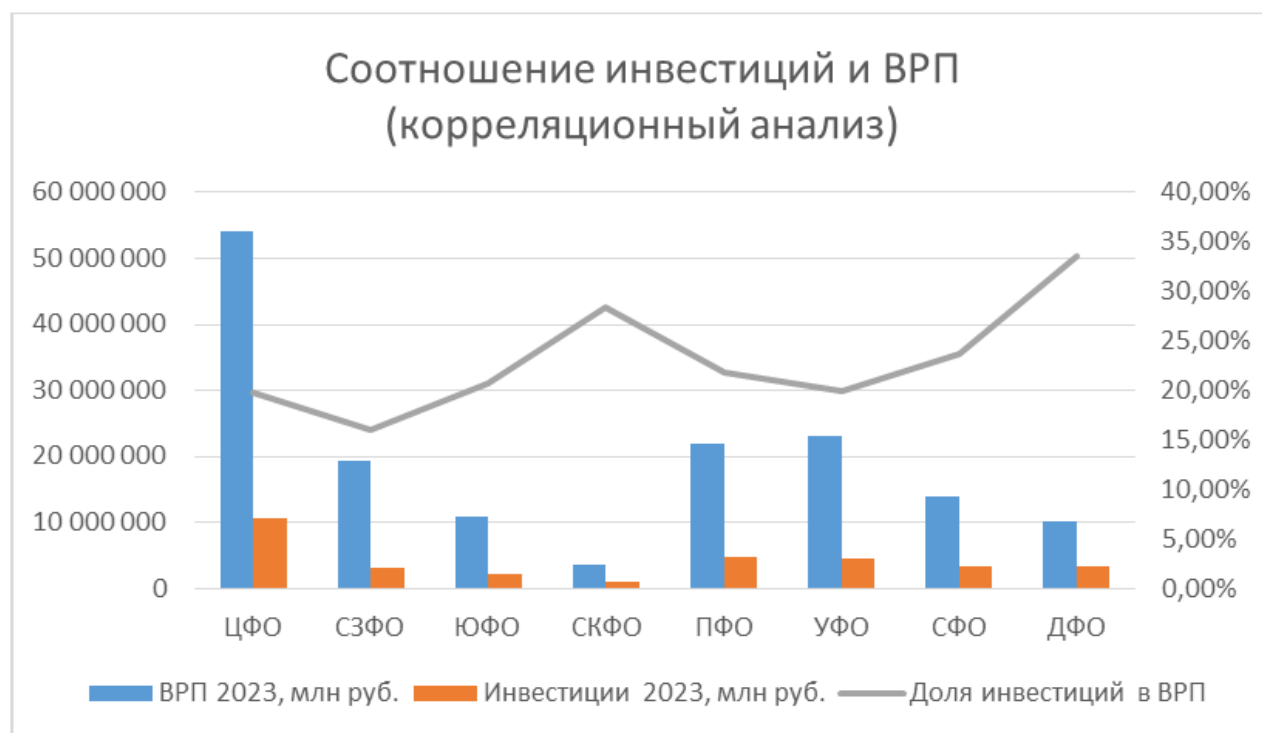

Рис. 2. Соотношение инвестиций и ВРП по федеральным округам РФ

Структурный сдвиг отображается следующим образом: в 2024 г. резко ускорился СЗФО (+30,8 %) – вероятно, из-за развития портов и логистики; при этом замедлились ПФО и ДФО [14, 15]. Инвестиционная эффективность (инвестиции / ВРП) максимальна в ДФО (33,5 %) и СКФО (28,4 %), что говорит о высокой капиталоемкости роста. Минимальна – в СЗФО (16,0 %), где экономика менее фондоемка. Сформулируем усредненные показатели кластеризации по федеральным округам РФ (табл. 3) [14, 15].

Статистический анализ пространственных диспропорций по федеральным округам позволяет зафиксировать устойчивость территориальной неравномерности в социально-экономическом развитии РФ и выявить различия в интенсивности ее проявления. Вместе с тем агрегированный уровень рассмотрения отражает прежде всего результат, но в меньшей степени раскрывает механизмы формирования самих диспропорций. По этой причине для объяснения причин их возникновения и закрепления необхо-

димо перейти от макрорегионального уровня к анализу конкретной региональной системы, в рамках которой стратегические приоритеты, институциональные решения и особенности распределения ресурсов проявляются более отчетливо [8–10, 14, 15].

В этом контексте показателен пример Воронежской области, где сопоставление прежней и действующей стратегической логики развития позволяет проследить, каким образом ориентация на использование сильных сторон региона в краткосрочном периоде может приводить к накоплению долгосрочных диспропорций. Такой переход от межрегионального сравнения к внутрирегиональному анализу дает возможность рассматривать пространственную неравномерность не только как статистически фиксируемое различие, но и как результат конкретной траектории стратегического развития региона [11, 12].

Результаты кластеризации федеральных округов РФ

Номер	Федеральный округ	Характеристика кластера (усредненные показатели)	Рекомендации для региональной политики с учетом кластеров
I	Центральный	Абсолютный гигант – максимальный ВРП и инвестиции (54 трлн и 10,7 трлн руб.). ВРП на душу населения высокий (1 345 тыс. руб.), но инвестиции на душу населения (267 тыс. руб.) уступают лидерам. Умеренная доля инвестиций (19,8 %). Уникальное сочетание масштаба и эффективности	Поддержка инноваций, развитие человеческого капитала, снятие инфраструктурных ограничений мегаполиса
II	Уральский, Северо-Западный, Дальневосточный	Ресурсно-экспортные регионы с высокой душевой отдачей. ВРП на душу населения от 1 284 до 1 879 тыс. руб. Инвестиции на душу населения очень высокие (от 222 до 430 тыс. руб.), особенно в ДФО. Доля инвестиций в ВРП варьируется: ДФО – рекордные 33,5%, УФО – 19,9%, СЗФО – 16,0%. Абсолютные объемы средние и выше среднего	Стимулирование диверсификации (особенно в ДФО – переработка ресурсов), поддержка экспортной логистики, экологические программы
III	Приволжский, Сибирский	Индустриально-аграрные округа со средними показателями. ВРП на душу населения ниже среднего (769–841 тыс. руб.) Инвестиции на душу населения умеренные (169–199 тыс. руб.). Доля инвестиций в ВРП выше средней (21,9 % и 23,7 %). Абсолютные объемы близки к средним по РФ	Модернизация промышленности, повышение производительности труда, развитие малого и среднего бизнеса, технопарки
IV	Южный, Северо-Кавказский	Депрессивные регионы с низкими показателями. ВРП на душу населения – 661 и 349 тыс. руб. (самые низкие). Инвестиции на душу населения – 137 и 99 тыс. руб. (минимальные). При этом доля инвестиций в ВРП высокая (20,8 и 28,4 %). Инвестиции носят догоняющий характер (государственная поддержка). Абсолютные объемы минимальны	Целевые государственные инвестиции в инфраструктуру, создание рабочих мест, развитие агропромышленного и туристического комплексов

Источник: составлено авторами по данным [14, 15].

Предшествующая модель развития Воронежской области в значительной степени была ориентирована на расширение трудоемких производств, прежде всего в агропромышленном комплексе, а также на рост численности населения как ресурса экономического роста [11]. Однако такая логика не сопровождалась достаточным прогнозированием потребности в высококвалифицированных кадрах и формированием механизмов их воспроизводства. В результате возникло противоречие: при формальном росте экономической активности усилился дефицит специалистов, а человеческий капитал оказался использован неполно, что проявилось в сравнительно низкой производительности труда и недостатке высокопроизводительных рабочих мест.

Дополнительным фактором накопления диспропорций стала слабая встроенность региональной системы высшего образования в реализацию стратегических целей области [11, 13]. Несмотря на наличие сильных вузов, их потенциал длительное время существовал относительно обособленно от задач региональной экономики. Недостаточная связанность правительства области, системы высшего образования, науки и реального сектора привела к разрыву между инновационным потенциалом и фактическим ростом производительности труда [14]. Этот разрыв проявлялся даже в Воронеже как центре концентрации индустриальных парков, тогда как на периферийных территориях он приобретал еще более острый характер, усиливая риски инвестиционного и кадрового истощения вследствие перетока ресурсов в областной центр. В итоге развитие трудоемких производств на периферии, которое могло бы стать фактором пространственного выравнивания, не получило необходимой кадровой и инфраструктурной поддержки, что, в свою очередь, усилило различия в качестве жизни между городом и муниципальными районами, включая доступ к социальной и инженерной инфраструктуре [12, 13].

В этом смысле соответствующие управленческие решения выступают не только административной корректировкой, но и индикатором того, что прежняя

стратегия развития региона не обеспечила необходимой увязки между экономическим ростом, кадровой политикой и пространственной сбалансированностью развития [15]. Введение институциональных механизмов, направленных на координацию вопросов развития человеческого капитала, в том числе создание должности заместителя губернатора, курирующего реализацию национального проекта «Кадры», может рассматриваться как форма признания проблемы на уровне регионального управления и способ компенсировать ранее накопленные диспропорции [16].

Новая Стратегия–2035 в большей степени ориентирована на смягчение указанных последствий за счет акцента на «умной» специализации, развитии малого бизнеса и повышении качества городской и сельской среды, то есть на более сложной и многомерной модели развития, не сводимой исключительно к росту физических объемов производства [12]. Вместе с тем и в рамках данной стратегии сохраняются существенные риски. В частности недооценка состояния гуманитарного образования и подготовки педагогических кадров может в дальнейшем стать источником новых диспропорций. Речь идет не только о кадровом обеспечении социальной сферы, но и о воспроизводстве культурного, ценностного и когнитивного основания регионального развития. Ослабление этого основания означает рост долгосрочной неустойчивости, поскольку инновационная и технологическая модернизация не может быть устойчивой вне качественной образовательной и социокультурной среды. Следовательно, развитие человеческого капитала в региональной стратегии должно пониматься шире, чем подготовка кадров для отдельных отраслей экономики. Оно должна включать в себя воспроизводство самой среды, в которой формируются знания, компетенции и общественная устойчивость.

Для подтверждения теоретических предположений, сформулированных выше, осуществим сравнение SWOT-анализов Стратегий развития Воронежской области (до 2020 г. и до 2035 г.) (табл. 4).

Таблица 4

**Краткое сравнение SWOT-анализов Стратегий развития
Воронежской области (до 2020 и 2035 гг.)**

Элемент SWOT- анализа	Предыдущая стратегия (до 2020 г.)	Актуальная стратегия (до 2035 г.)
Сильные стороны	Агропромышленный комплекс; выгодное экономико-географическое положение; значительный людской потенциал; развитая сеть вузов	Диверсифицированная экономика; развитый АПК в сочетании с переработкой; рост инвестиций; наличие ИТ-кластера
Слабые стороны	Износ основных фондов; высокая доля малоэффективных производств; высокая дифференциация доходов населения	Дефицит квалифицированных кадров; асинхронность развития городской и сельской территории; низкая коммерциализация НИОКР
Возможности	Вступление в ВТО как стимул усиления конкуренции; создание кластеров	Цифровая трансформация; импортозамещение; развитие экспорта продукции АПК; рост высокотехнологичного бизнеса
Угрозы	Обострение конкуренции; угрозы безопасности; отток рабочей силы	Усиление межрегиональной конкуренции за кадры и инвестиции; демографические ограничения; инфраструктурные ограничения

Источник: составлено авторами на основе [11, 12].

Представленное сопоставление показывает смещение стратегического акцента от использования традиционных факторов роста к более сложной модели развития, в которой наряду с инвестиционной и производственной динамикой возрастает значение кадрового обеспечения, инновационной восприимчивости и ин-

фраструктурной связанности регионального пространства [11, 12]. Выявим тенденции изменения стратегической логики развития Воронежской области: от стратегии до 2020 г. к стратегии до 2035 г. на основе сопоставления стратегических документов (табл. 5).

Таблица 5

**Изменение стратегической логики развития Воронежской области:
от стратегии до 2020 г. к стратегии до 2035 г.**

Параметр сравнения	Стратегия до 2020 г.	Стратегия до 2035 г.
1	2	3
Общий вектор развития	Опора на традиционные конкурентные преимущества региона	Переход к более диверсифицированной и «умной» модели развития

Окончание табл. 5

1	2	3
Ключевой акцент	Рост трудоемких производств, прежде всего в АПК; наращивание экономической активности	«Умная» специализация; развитие малого бизнеса; повышение качества городской и сельской среды
Роль человеческого капитала	Выступает преимущественно количественным ресурсом роста	Стратегический фактор устойчивости, инновационного развития и конкурентоспособности
Связь образования и экономики	Недостаточная встроенность вузов и науки в решение задач регионального развития	Декларируется необходимость более тесной увязки образования, науки и экономики
Пространственная логика	Усиление концентрации ресурсов в ведущих центрах	Попытка смягчения накопленных различий и учета пространственной сбалансированности
Основные риски	Кадровый дефицит, недоиспользование человеческого капитала, периферийное отставание	Сохранение асинхронности развития, кадровые ограничения, слабая коммерциализация знаний и инноваций
Управленческий ответ	Ограниченная согласованность кадровой, экономической и пространственной политики	Усиление институциональной координации, включая развитие механизмов управления человеческим капиталом

Источник: составлено авторами на основе [11, 12].

Сравнение стратегической логики показывает, что новая модель стратегии развития Воронежской области в большей степени ориентирована на преодоление последствий прежней концентрационной траектории, однако сохраняет ряд уязвимостей, связанных с кадровыми ограничениями, неравномерностью пространственного развития и недостаточной интеграцией научно-образовательного потенциала в экономику региона [11, 12]. Это позволяет рассматривать

смену стратегических приоритетов не как полный разрыв с прежней моделью, а как попытку институциональной корректировки накопленных диспропорций. Сформулируем на основе сопоставления государственных нормативных стратегических документов и направлений региональной политики накопленные противоречия прежней стратегии развития и управленческие ответы в Стратегии до 2035 г. (табл. 6).

Таблица 6

Накопленные противоречия прежней Стратегии развития Воронежской области и управленческие ответы в Стратегии до 2035 г.

Накопленное противоречие	Проявление в региональном развитии	Управленческий ответ в стратегии до 2035 г.
1	2	3
Ориентация на рост трудоемких производств без опережающего кадрового обеспечения	Дефицит квалифицированных специалистов; недоиспользование человеческого капитала; низкая производительность труда	Акцент на развитие человеческого капитала, повышение качества подготовки кадров и институциональную координацию кадровой политики

1	2	3
Слабая встроенность вузов и науки в реализацию стратегических целей региона	Разрыв между образовательным и инновационным потенциалом региона и фактическими результатами экономического роста	Декларация необходимости усиления связей между образованием, наукой, бизнесом и органами власти
Концентрация ресурсов в областном центре	Усиление центро-периферийных различий; инвестиционный и кадровый отток с периферии; различия в качестве жизни	Поворот к более сбалансированному пространственному развитию, развитию городской и сельской среды, поддержке территорий вне ядра региона
Опора преимущественно на количественные показатели роста	Рост физических объемов производства без сопоставимого повышения качества занятости и инновационной отдачи	Смещение акцента к «умной» специализации, развитию малого бизнеса и повышению качества экономического роста
Недостаточная согласованность экономической, кадровой и пространственной политики	Накопление структурных перекосов и слабая управляемость долгосрочных рисков	Усиление межведомственной координации и формирование институтов, ориентированных на развитие человеческого капитала и реализацию национальных проектов
Недооценка социокультурной и образовательной среды как фактора устойчивости развития	Риски ослабления качества подготовки кадров, долгосрочная неустойчивость социальной и инновационной среды	Переход к более широкому пониманию человеческого капитала как основы не только экономического, но и общественного развития

Источник: составлено авторами на основе [11–13].

Представленное сопоставление показывает, что новая Стратегия развития в значительной степени ориентирована на компенсацию ограничений, сформировавшихся в рамках прежней модели [11–13]. Вместе с тем часть управленческих ответов пока носит скорее корректирующий, чем трансформационный характер, что сохраняет риск дальнейшего воспроизводства отдельных пространственных диспропорций.

Заключение. Таким образом, сопоставление Стратегий развития Воронежской области показывает, что пространственные диспропорции формируются не только под воздействием исходной территориальной неоднородности, но и в результате самой логики стратегического выбора. Ориентация на использование сильных сторон региона, обеспечивая краткосрочный экономический эффект,

при отсутствии согласованной кадровой, образовательной, инфраструктурной и пространственной политики приводит к накоплению внутренних противоречий и усилению центро-периферийных различий. Новая стратегическая модель в большей степени ориентирована на смягчение этих последствий, однако ее эффективность будет зависеть от того, насколько заявленные приоритеты будут реализованы как системные институциональные изменения, а не как частичная корректировка уже сложившихся перекосов [11–13].

При этом принципиально важно учитывать, что пространственные диспропорции, формирующиеся в рамках стратегического развития региона, как правило, обладают отложенным эффектом. В краткосрочном периоде концентрация ресурсов в сильных направлениях может

восприниматься как безусловно эффективная, тогда как ее негативные последствия в виде кадрового дефицита, инфраструктурной асимметрии, периферийного отставания и снижения устойчивости проявляются лишь в средне- и долгосрочной перспективе. Именно это обстоятельство делает необходимым анализ стратегических решений не только по их непосредственным результатам, но и по их отсроченным пространственным последствиям [1–4, 6, 10].

Сформировавшиеся диспропорции обладают высокой инерционностью, поскольку закрепляются в институциональных механизмах, инфраструктурной конфигурации, кадровом распределении и инвестиционных потоках. Вследствие этого новая стратегия сталкивается не с «чистым» пространством развития, а с уже сложившейся структурой ограничений, что требует не только корректировки приоритетов, но и преодоления инерции предшествующей модели [6, 8–10].

Следовательно, эффективность новой стратегической модели должна оцениваться не только по темпам экономического роста, объему инвестиций или расширению производства, но и по ее способности снижать кадровые, инфраструктурные и центрально-периферийные различия, а также обеспечивать более равномерное распределение возможностей развития в региональном пространстве [11, 12].

В этом контексте гуманитарное образование и подготовка педагогических кадров должны рассматриваться не как второстепенный элемент региональной политики, а как стратегический ресурс воспроизводства человеческого капитала, ценностной устойчивости и долгосрочной адаптивности региональной системы [17]. Их недооценка способна стать источником новых диспропорций, менее заметных в краткосрочном периоде, но более глубоких по последствиям.

Список источников

1. Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: Duckworth, 1957. 168 p.
2. Hirschman A.O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press, 1958. 217 p.
3. Perroux F. *L'économie du XXe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 598 p.
4. Krugman P. *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 142 p.
5. Гранберг А.Г. *Основы региональной экономики*. М.: ВШЭ, 2004. 495 с.
6. Лексин В.Н., Швецов А.Н. *Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития*. М.: URSS, 2012. 368 с.
7. Минакир П.А. *Пространственная неоднородность и развитие // Пространственная экономика*. 2011. № 4. С. 7–16.
8. Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. *Проблема провалов развития в экономическом пространстве России и способы ее решения // Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 1. С. 10–26.
9. Трейвиш А.И. *Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space // Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 6–33.
10. Михеева Н.Н. *Spatial Structure and Directions of Modernization of the Russian Economy // Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 101–128.
11. О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 года: закон Воронежской области от 30 июня 2010 г. № 65-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460176192> (дата обращения: 23.04.2025).
12. О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: закон Воронежской области от 20 декабря 2018 г. № 168-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 23.04.2025).

13. Официальный портал органов власти Воронежской области. URL: <https://www.govvrn.ru> (дата обращения: 30.03.2026).
14. Государственная программа Воронежской области «Развитие образования». URL: <https://www.govvrn.ru/sites/default/files/2025-02> (дата обращения: 30.03.2026).
15. Портал региональных проектов Воронежской области. Национальный проект «Кадры» // URL: <https://np.govvrn.ru> (дата обращения: 30.03.2026).
16. Лотков Игорь Анатольевич // Официальный портал органов власти Воронежской области. URL: https://govvrn.ru/people/lotkov_igor_anatolevich (дата обращения: 30.03.2026).
17. Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development / N.V. Yakovenko [et al.] // Sustainability. 2024. Vol. 16, No. 3. P. 1271. DOI: 10.3390/su16031271.

References

1. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London: Duckworth, 1957. 168 p.
2. Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press, 1958. 217 p.
3. Perroux F. L'économie du XXe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 598 p.
4. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 142 p.
5. Granberg A.G. Osnovy regional'noj ehkonomiki. M.: VSHEh, 2004. 495 s.
6. Leksin V.N., Shvecov A.N. Gosudarstvo i regiony: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya. M.: URSS, 2012. 368 s.
7. Minakir P.A. Prostranstvennaya neodnorodnost' i razvitie // Prostranstvennaya ehkonomika. 2011. № 4. S. 7–16.
8. P'yankova S.G., Kombarov M.A. Problema provalov razvitiya v ehkonomie-skom prostranstve Rossii i sposoby ee resheniya // Problemy razvitiya territorii. 2023. T. 27, № 1. S. 10–26.
9. Trejvish A.I. Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 6–33.
10. Miheeva N.N. Spatial Structure and Directions of Modernization of the Russian Economy // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 101–128.
11. O strategii social'no-ehkonomie-skogo razvitiya Voronezhskoj oblasti na period do 2020 goda: zakon Voronezhskoj oblasti ot 30 iyunya 2010 g. № 65-OZ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460176192> (data obrashcheniya: 23.04.2025).
12. O Strategii social'no-ehkonomie-skogo razvitiya Voronezhskoj oblasti na period do 2035 goda: zakon Voronezhskoj oblasti ot 20 dekabrya 2018 g. № 168-OZ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550300779> (data obrashcheniya: 23.04.2025).
13. Oficial'nyj portal organov vlasti Voronezhskoj oblasti. URL: <https://www.govvrn.ru> (data obrashcheniya: 30.03.2026).
14. Gosudarstvennaya programma Voronezhskoj oblasti «Razvitie obrazovaniya». URL: <https://www.govvrn.ru/sites/default/files/2025-02> (data obrashcheniya: 30.03.2026).
15. Portal regional'nyh projektov Voronezhskoj oblasti. Nacional'nyj projekt «Kadry» // URL: <https://np.govvrn.ru> (data obrashcheniya: 30.03.2026).
16. Lotkov Igor' Anatol'evich // Oficial'nyj portal organov vlasti Voronezhskoj oblasti. URL: https://govvrn.ru/people/lotkov_igor_anatolevich (data obrashcheniya: 30.03.2026).
17. Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development / N.V. Yakovenko [et al.] // Sustainability. 2024. Vol. 16, No. 3. P. 1271. DOI: 10.3390/su16031271.

Статья принята к публикации 18.05.2026/
The article has been accepted for publication 18.05.2026.

Информация об авторах:

Наталья Анатольевна Азарова, доцент кафедры мировой и национальной экономики, доктор экономических наук, доцент

Виктория Витальевна Сухорукова, доцент кафедры мировой и национальной экономики, кандидат физико-математических наук

Анна Юрьевна Небесная, доцент кафедры мировой и национальной экономики, кандидат экономических наук

Information about the authors:

Natalia Anatolyevna Azarova, Associate Professor, Department of Global and National Economy, Doctor of Economic Sciences, Docent

Victoria Vitalyevna Sukhorukova, Associate Professor, Department of Global and National Economy, Candidate of Physical and Mathematical Sciences

Anna Yuryevna Nebesnaya, Associate Professor, Department of Global and National Economy, Candidate of Economic Sciences

